

УДК 347.2

ПРИРОДА ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ВЛАДЕНИЯ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ВЛАДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Юлия ФИЛОНОВА,

аспирант кафедры гражданского права № 2
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному исследованию феномена владения по римскому частному праву, а также его современных юридических моделей в странах западной традиции частного права. Особое внимание уделяется анализу положительной зарубежной практики, в частности, исследованы отдельные положения гражданского законодательства таких государств, как Германия, Франция, Молдова. Сделан вывод, что в действующем гражданском законодательстве Украины отсутствует единый механизм осуществления и защиты владения. На основании проведенного исследования сформулированы обоснованные выводы о месте, значении и особенностях совершенствования модели владения в доктрине гражданского права Украины в контексте его приближения к международным стандартам и требованиям. Также обосновывается целесообразность обеспечения введения института владения в Украине по аналогии с Гражданским кодексом Молдовы и Германии.

Ключевые слова: институт владения, рекодификация, гражданское законодательство Украины, римское частное право, цивилистическая доктрина, совершенствование законодательства.

NATURE OF LEGAL MECHANISMS OF THE DEFENSIO AS THE BASIS OF MODERNIZATION OF THE POSSESSION IN CIVIL LEGISLATION OF UKRAINE

Iuliia FILONOVA,

Postgraduate Student at the Department of Civil Law № 2
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The paper is dedicated to a comprehensive study of the phenomenon of possession under Roman private law, as well as its modern legal models in the countries of the Western tradition of private law. Particular attention is paid to the analysis of a positive foreign practice, inter alia, separate provisions of civil law practice, namely the governments of such countries as Germany, France, and Moldova. It is concluded that in the current civil legislation of Ukraine there is no single mechanism for the implementation and protection of possession. The author pays special attention to the analysis of positive foreign practice, on the basis of which the grounded conclusions about the place, importance and peculiarities of development of the possession in the doctrine of civil law of Ukraine in the context of its approximation to international standards and requirements are formed. The author substantiates the feasibility of ensuring the introduction of possession in Ukraine by analogy with the Civil Code of Moldova and Germany.

Key words: possession, recodification, civil law of Ukraine, Roman private law, civilised doctrine, legislation development.

Постановка проблемы. В современных условиях на территории Украины происходит процесс качественных законодательных трансформаций, призванный в первую очередь согласовать реалии правовой действительности с нормами действующего законодательства. В этом контексте особое внимание обращают на вопросы, связанные с отношениями собственности, которые должны обеспечивать экономическую стабильность как рядовых граждан, так и государства в целом. Анализ положений Гражданского кодекса Украины и других норм действующего законодательства дает основания утверждать, что сейчас можно говорить о правовой неопределенности природы владения. Указанное обстоятельство приводит к трудностям

в правопонимании и правоприменении, и, как следствие, к отсутствию единого подхода к решению споров в судебном порядке и формированию разветвленной судебной практики применения положений Гражданского кодекса Украины в указанной сфере.

Актуальность темы исследования подтверждается современными реформационными тенденциями в области гражданского законодательства. Постановлением Кабинета Министров Украины от 17 июля 2019 г. № 650 «О создании рабочей группы по рекодификации (обновлению) гражданского законодательства Украины» [1] начата комплексная работа над процессами качественных и содержательных трансформаций гражданского законодательства Украины по приве-

дению его в соответствие с мировыми тенденциями развития частного права. К ведущим направлениям работы этого консультативно-совещательного органа пока отнесены вопросы разработки законопроектов по совершенствованию частноправового регулирования, где особое внимание должно быть уделено институту владения. Следовательно, определенная тематика статьи получает новое измерение и требует дополнительных научных исследований.

Состояние исследования. Научный анализ проблемы определения правовой природы владения проводился многими специалистами в области римского права, среди них стоит отметить таких ученых, как: М. Бартошек, Ю. Барон, Д. Виншейд,

Г. Дербург, Д. Дождев, Р. Иеринг, А. Косарев, С. Муромцева, И. Новицкий, И. Покровский, Ф.К. Савиных, В. Хвостов и др.

Вопросы, связанные с институтом владения, были предметом научных исследований отечественных и зарубежных ученых-цивилистов, среди которых М. Брагинский, Е. Васильковский, В. Витрянский, А. Венедиктов, Д. Генкин, А. Дзера, К. Кавелин, Н. Кузнецова, Р. Майдалик, Д. Мейер, К. Неволин, К. Победоносцев, С. Погребной, А. Подпригора, В. Синайский, И. Севрюкова, К. Скловский, Е. Суханов, Е. Харитонов, А. Харченко, В. Цюра, К. Шахназарян, Я. Шевченко, Г. Шершеневич и др. Однако, несмотря на наличие большого количества публикаций по исследуемой проблематике, правовая природа института владения все еще остается неопределенной и требует дополнительных научных разработок в контексте реалий нашего времени.

Целью и задачей статьи является проведение комплексного исследования феномена владения по римскому частному праву, а также его современных юридических моделей в странах западной традиции частного права для дальнейшего формирования обоснованных выводов о месте, значении и особенностях совершенствования конструкции владения в доктрине гражданского права Украины в контексте его приближения к международным стандартам и требованиям в этой сфере.

Изложение основного материала. Институт владения является одним из сложных в гражданском праве, а его правовая природа становилась предметом оживленных дискуссий, которые возникали между представителями научных школ со времен Древнего Рима. Для формирования представления о сущности и механизме защиты владения, определения его места в цивилистической доктрине целесообразно обращение к историко-правовым позициям его генезиса. Исследование исторического процесса формирования указанного института, а также определение его характерных черт и особенностей позволит определить необходимые составляющие содержания соответствующих правоотношений и раскрыть правовую

природу владения через призму его становления. Обоснованным представляется проведение анализа норм римского частного права, которыми регламентированы исследуемые в статье отношения владения. Так, в римском праве выделены две категории владельцев вещи: 1) владельцы, которые сочетали фактическое обладание вещью с волей владеть для себя; 2) простые держатели (*detentio*).

Стоит отметить, что владелец по римскому праву фактически реализовывал личное отношение к вещи, а владение, в котором наблюдалось сочетание *“corpūs”* (фактическое обладание) с *“animus”* (воля владеть вещью), обозначалось термином *“possessio civilis”*. Кроме того, в терминологии выделялось дополнительно «простое содержание» – *“naturalis possessio”*, которое характеризовало исключительно фактическое материальное обладание вещью, и владение *“ad usucapionem”*, которым обозначалось добросовестное владение по признакам давности [2, с. 184–185]. Существование воли владения (*“animus”*) не требовало особых форм проявления и подтверждения, учитывая непосредственную связь с фактом владения, подтверждающим ее наличие [3, с. 108]. Простые держатели в римском праве не владели вещью *“suo animo”* (от своего имени). Реализация владения происходила исключительно *“alieno nomine”* (от чужого имени), что, по общему правилу, определялось как *“possessio naturalis”* (природное владение) [4, с. 105]. А. Бабаев подчеркивает, что детентор (держатель) имеет волю владеть вещью, однако не от своего, а от чужого имени [5, с. 209].

Необходимо отметить, что владение приобреталось исключительно в случаях сочетания двух составляющих: *“corpūs”* и *“animus”*. Приведенный тезис подтверждается общеизвестной формулой: «Мы вступаем во владение как физически, так и волей, и никогда отдельно – только волей или физически» (*“Et apiscimur possessionem corpore et animo, neque per se animo aut per se corpore”*) [6, с. 417]. Данное положение подтверждается и представителями доктрины, так, К. Скловский отмечает, что в римском праве владение определялось как обеспеченное от постороннего вмешательства факти-

ческое господство над вещью определенного лица, соединенное с намерением владеть ею (*“corpūs”* и *“animus”*) [7, с. 403]. Владение сохраняется на все время существования двух указанных взаимосвязанных составляющих и прекращается с потерей одного из них. Следует подчеркнуть, что потеря такого элемента, как фактическое обладание вещью (*“corpūs”*), должна характеризоваться длительным лишением возможности лица влиять на вещь. Таким образом, в случае временной потери *“corpūs”* лицо оставалось владельцем вещи. С. Синицын отмечает, что римские юристы, обуславливая такую структуру владения, оставляют много сомнений относительно универсального понимания каждого из ее элементов. Ученый обобщил подходы римских юристов к этой проблематике и распределил их на три группы: 1) доминирующим выступает значение *“animus”* (воли); 2) значение приобретает *“corpūs”* (физическое обладание); 3) элементы *“animus”* и *“corpūs”* признаются равнозначными [8, с. 79]. Во II веке н. э. господствующим признавался подход, где признаком, подтверждающим владение, являлось наличие свободы – *“solo animo”* (только волей), которую поддерживали такие известные юристы, как Марцелл, Юлиан, Папиниан. В III веке н. э. преимущество владения *“animus”* (воли) рассматривалось как исключение, тогда как *“corpore”* (телесное) стало общепризнанным правилом. Вариации подходов к значению элементов владения зависели непосредственно от социально-экономических изменений.

Обращаясь к защите права владения в римском праве, стоит отметить, что в основном она реализовывалась путем произведенных претором посессорных интердиктов [9, с. 14]. Так, древнеримскими юристами была создана достаточно разветвленная система действенных посессорных интердиктов, с помощью которых и осуществлялась указанная защита. Целесообразно отметить, что интердиктный процесс защиты владения определял порядок процессуальных действий, которые были почти аналогичными обычному (исковому) процессу, однако имел упрощенную внешнюю форму и был лишен некоторых формальностей [10, с. 411]. Отметим, что все римские посессор-

ные интердикты М. Бартошек разделял на три группы:

1) интердикты запретительные (“*interdicta prohibitoria*”), которые были направлены на защиту существующего владения от нарушений, с целью пресечения неправомерных действий и посягательств третьих лиц на владение;

2) интердикты восстановительные (“*interdicta restitutoria*”) имели цель восстановления потерянного владения и возврата объекта владения лицу, которое его потеряло;

3) интердикты предъявления (“*interdicta exhibitoria*”) в приказном порядке обязывали определенное лицо предъявить вещь или привести свидетелей в суд (если необходимо было признать посессорный характер интердикта “*adipiscendae possessionis*”) [6, с. 156]. Исключительно владенческими интердиктами были: 1) “*interdicta retinendae possessionis*” (направленные на сохранение существующего владения) 2) “*interdicta recuperandae possessionis*” (направленные на возвращение потерянного владения).

Знаковым является то, что, согласно римскому праву, под посессорную интердиктную защиту попадало владение, которое реализовывалось от своего имени (“*suo nomine*”), и некоторые виды владения от чужого имени (“*alieno nomine*”), а именно: 1) владение кредитора по залогу, в котором залогодержатель обязан вернуть вещь, которая находилась в его временном владении, одновременно с уплатой обеспеченного залогом долга; 2) владение секвестра, где секвестром (“*sequester*”) выступало лицо, получившее от сторон спора или судьи спорную вещь на хранение. Обретение таким лицом статуса держателя или владельца зависело от зачисления времени владения секвестра вещью до срока давности стороны, которой был выигран спор; 3) владение прекариста (“*precario accipiens*”) – владение лица, которое по собственной просьбе получает от другого лица (“*precario dans*”) вещь в безвозмездное временное пользование и содержание до запроса “*precario dans*” по возврату вещи (“*precagium*”); 4) владение эмпитевта и суперфициария. Под правом эмпитевзиса (“*ius emphyteusis*”) рассматривалось вещное наследственное долгосрочное право владения и пользования земляным участком, который

чаще всего использовался по сельскохозяйственному назначению. Право суперфиция (“*superficius*”) – вещное наследственное право размещать в течение длительного времени на чужой земле здание или сооружение, которое предусматривало также возможность передавать это владение другим лицам (в виде отчуждения и передачи в залог) [3, с. 508].

Стоит отметить, что именно римское частное право сформировало триаду прав на вещи, составляющими которой стали владение, собственность и права на чужие вещи. Владение в вещном праве Древнего Рима рассматривалось как его институт, одновременно выделялось в элементах функционирования смежных институтов вещного права – права собственности и права на чужие вещи. Такое явление связывается с тем, что все институты вещного права по своей правовой природе имеют ту или иную степень господства (власти) субъекта над вещью. Можно констатировать, что римскими юристами разработана сложная система защиты владения, которая стала фундаментом для дальнейшей конкретизации и усовершенствования института владения и обеспечения его посессорной защиты в правовых порядках большинства современных стран.

В рамках исследования защиты владения целесообразно обратить внимание на один из самых дискуссионных вопросов, обсуждаемых представителями доктрины, а именно: «Владение необходимо рассматривать как право или как факт?». При рассмотрении владения как права, подлежащего защите, возникает необходимость определения его сущности и соотношения с правом собственности и вещными правами на чужое имущество. Рассмотрение владения в качестве факта вызывает сомнения в оправданности оснований защиты римским правом фактического состояния. Именно попытки найти ответ на указанный вопрос стали движущей силой возникновения в XIX в. различных теорий. Так, основателем всех современных теорий о защите владения признается Ф.К. Савиньи, который в своей работе «Право владения» (1803 г.) определил, что владение является фактом, а нарушение владения является насилием против личности [11, с. 203]. Не поддержи-

вая субъективную теорию Ф.К. Савиньи, Г. Иеринг выдвинул и обосновал собственную «объективную» теорию, суть которой заключалась в том, что в большинстве случаев один человек является владельцем и собственником одновременно, поэтому презюмируется, что владелец вещи является одновременно ее собственником, пока не будет доказано обратное. По этой теории защита владения осуществляется с целью обеспечения комплексности защиты собственности. В свою очередь, Ф.К. Савиньи связывал возможность защиты владения с целью запрета насилия [12, с. 65]. В юридической литературе можно выделить три главные теории относительно природы владения. Стронники первой теории, немецкие ученые Р. Иеринг, Л. Еннекерус, Ф. Поллок, считали, что владение – это право. Их взгляды поддержаны такими российскими учеными, как С. Муромцев, К. Анненков, Ю. Гамбаров, К. Кавелин, К. Колокольцев, П. Деляров, Г. Шершеневич, Д. Дождев, А. Коновалов, А. Рудоквас, Л. Василевская, В. Хвостов и др. Ученые – представители второй теории: Ю. Барон, К. Брунс, Б. Виндштейн, И. Унгер, и российские цивилисты К. Митюков, И. Покровский, Е. Васильевский, Н. Варадинов, Д. Мейер, К. Неволин, И. Новицкий, К. Скловский, Е. Суханов, К. Победоносцев и др., поддержали мнение, что владение является фактом. Впоследствии представители третьей теории, Ф.К. Савиньи, Е. Ганс и Г. Пухта, при наличии различных подходов пришли к одному выводу о том, что владение является независимым от права собственности и самостоятельным, одновременно имеет признаки как фактических, так и правовых отношений. Однако, как отмечает Р. Иеринг, взгляды Ф.К. Савиньи меняются, и он постепенно приходит к мнению, что природа владения является фактической [13, с. 27].

В отечественной доктрине гражданского права взгляды ученых о юридической природе владения также разделились. В. Цюра отмечает, что владение не является правом, несмотря на закрепленную в Гражданском кодексе Украины конструкцию «право владения чужим имуществом». Ученый отмечает, что владение может возникать по поводу бесхозной

вещи (ст. 335 Гражданского кодекса (далее – ГК)), в случае приобретения имущества у лица, которое не имело права собственности на него, и, как следствие, не имело права его отчуждать, а установить, кому принадлежит это имущество, невозможно. Поэтому чужим целесообразно признавать имущество, принадлежащее другому лицу, а не владельцу. Таким образом, сам факт владения будет подтверждать его существование, независимо от наличия у владельца права собственности на предмет владения. В свою очередь, владение имуществом основывается на определенном праве, защищается способами, предусмотренными действующим законодательством Украины, поэтому в специальной защите не нуждается. Одновременно ученый приходит к выводу, что абсолютизировать право владения невозможно, поскольку оно является производным от права собственности, и предоставлять ему самостоятельность в современных условиях достаточно сложно [14, с. 53]. Приведенную позицию поддерживает Р. Майданик, подчеркивая, что на современном этапе развития гражданского законодательства Украины и практики его применения практическая потребность в закреплении самостоятельного вещного права владения отсутствует [15, с. 687]. По мнению ученого, отделение владения может привести к серьезным системным противоречиям в действующем гражданском законодательстве [15, с. 689]. В то же время признание владения в качестве самостоятельной формы присвоения вещи предопределяет необходимость закрепления в ГК Украины обновленной дефиниции понятия «владение», что порождает определенные правовые последствия (презумпция собственности; обретение права собственности на плоды вещи, если владелец является добросовестным, защита владения с помощью вещных исков; приобретения владения по приобретательной давности), разделение владения на прямое и опосредованное, признание специальных способов защиты владения [16, с. 130].

Юристами И. Севрюковой и Г. Харченко владение отнесено к вещным правам, подчеркнута невозможность его отнесения к вещным правам на чужое имущество (вещи) [17; 18].

Такая позиция представляется достаточно обоснованной и обусловливается не только исторически, но и наличием соответствующих положений действующего законодательства Украины. Так, согласно Закону Украины от 1 июля 2004 г. № 1952–IV «О государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и их обременений» [19], перечень вещных прав, подлежащих регистрации, не содержит права владения, в отличие от сервитута, эмпфитевзиса и суперфиция.

С. Погребной рассматривает фактическое владение по ГК Украины не как право, а как охраняемое законом фактическое состояние, заключающееся в единстве фактического и волевого аспектов, сущностью которого является отношение лица к вещи как к принадлежащей ей, связанное с волевым стремлением к ее обособлению от произвольного влияния окружающих. Владение является самостоятельным институтом вещного права, который, по своей сути и характерным признакам, должен рассматриваться отдельно от институтов права собственности и прав на чужие вещи [20, с. 16]. Другие украинские цивилисты, среди которых А. Подопригора, В. Завальнюк, Е. Харитонов, К. Шахназарян, отмечают, что право владения не является классическим правом на чужие вещи и должно пониматься как условное отношение владения прав на чужие вещи [21, с. 118].

И. Спасибо-Фатеева также придерживается мнения, что в действующем законодательстве существуют противоречия по определению владения ввиду того, что законодателем оно определяется одновременно и как факт, и как право. Профессор делает вывод, что под владением следует понимать такое юридическое господство над вещью, которое обеспечивает реализацию двух содержательных его составляющих: 1) возможность воздействия на вещь (беспрепятственный доступ к вещи); 2) возможность прекращения доступа другим лицам к ней [22, с. 516]. В данном случае возникает необходимость нормативного закрепления возможности защиты владения. М. Домашенко рассматривает владение как одно из правомочий собственника и формулирует следующую его дефиницию: «Владение – это хозяйственное господ-

ство собственника над вещью, в котором выражается статика отношений собственности» [23, с. 310].

Отсутствие единого подхода к определению правовой природы владения обусловлено сложностью понимания его сущности, которая имеет философскую подоплеку. Несмотря на вариативность взглядов представителей цивилистической доктрины, все они согласны с тем, что определение понятия «владение», которое сейчас закреплено в гражданском законодательстве Украины, некорректно и требует качественного совершенствования с учетом реалий. Вне всякого сомнения, отнесение законодателем права владения к категории вещных прав на чужое имущество не является целесообразным. Так, гл. 31 Гражданского кодекса Украины называется «Право владения чужим имуществом», ст. 375 этого же кодифицированного акта – «Субъекты права владения чужим имуществом». Ч. 1 упомянутой статьи указывает на то, что «владельцем чужого имущества является лицо, которое фактически держит его у себя», ч. 3 этой же статьи определено, что «фактическое обладание имуществом считается правомерным, если иное не следует из закона или не установлено решением суда». Таким образом, анализируя название статьи, логично было бы предположить, что ею урегулировано правовое (титальное) владение, однако она содержит также положения, посвященные фактическому (безтитальному) владению.

Другой подход закреплен в проекте Гражданского кодекса Украины от 25 августа 1996 г. (далее – Проект), что подтверждается архитектурной его Книги третьей «Вещное право», содержащей следующие составляющие: гл. 22 «Общие положения о вещном праве», р. I «Право собственности», р. II «Владение и другие вещные права», гл. 30 «Владение» (ст. ст. 396–406), гл. 31 «Сервитуты», гл. 32 «Право пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд (эмпфитевзис)», гл. 33 «Право пользования чужой землей для застройки (суперфиций)». Анализ содержания положений гл. 30 Проекта дает основания для следующих выводов: 1) законодатель рассматривал владение как отдельный институт прав, а не как

вещное право на чужое имущество; 2) владение определялось как фактическое наличие имущества у лица, которое считает его своим. Таким образом, сущность владения определялась в сочетании “corpus” (фактического) и “animus” (волевого) элементов владения. К сожалению, при дальнейшей доработке проекта концепция вещных прав была пересмотрена и изменена, поэтому Книга третья получила название «Право собственности и другие вещные права» [24], в которой владение рассматривается как вещное право на чужое имущество, что является существенным недостатком.

С учетом сложности определения правовой природы владения и его защиты считаем необходимым обратиться к опыту зарубежных стран. В современных условиях возникла необходимость существования обновления и модернизации гражданского законодательства во многих странах, в частности, идет разработка проекта внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации [25], фрагментарные изменения внесены в Гражданский кодекс Франции, недавно вступил в силу модернизированный Гражданский кодекс Молдовы.

Французский гражданский кодекс и Германское гражданское уложение являются теми двумя нормативно-правовыми актами, в которых наиболее подробно регламентированы сущность института владения и особенности его защиты. Французская модель, подобно римскому праву, предусматривает категорию «держания» (англ. detention), регламентирующую владение заведомо несвоей вещью, и категорию «владение», которая закрепляет фактическое господство над вещью (“corpus possessionis”) с намерением владения ею для себя (“animus possedenti”). В гражданском кодексе Франции, более известном как Кодекс Наполеона, в ст/ 2282 (в редакции Закона № 75–596 от 9 июля 1975 г.) прямо предусматривается посессорная защита. Владение охраняется от нарушения или угрозы нарушения независимо от правовых оснований для его возникновения. Такая защита предоставляется также держателю от любого лица, кроме того, которым ему передана вещь. Соответствующие иски могут быть предъявлены на усло-

виях, предусмотренных Гражданско-процессуальным кодексом Франции, теми лицами, которые осуществляют мирное владение или держание. Большинство современных отечественных ученых в ходе исследования феномена владения ссылаются на вышеуказанные нормы, но в рамках модернизации гражданского права и процесса Франции, их современное содержание несколько изменилось. В частности, в ст. 2278 Гражданского кодекса Франции (с изменениями, внесенными Законом № 2008–561 от 17 июня 2008 г.) предусмотрено, что владение защищается от посягательств на него или нарушений, которые ему угрожают, независимо от наличия вещного права. Урегулирование защиты владения простым держателем осталось неизменным [26, с. 525]. Также целесообразно отметить, что по ст. 23 Указа № 2017–892 от 6 мая 2017 г. «О различных мероприятиях модернизации и упрощения гражданского процесса» (Décret n 2017–892 du 6 mai 2017 portant diverses mesures de modernisation et de simplification de la procédure civile) [27] отменены ст. ст. 1264–1267 Гражданского процессуального кодекса Франции, которые устанавливали правила представления посессорных исков. Несмотря на это, возможность предъявления владельческих исков как владельцами, так и держателями, в соответствии с действующими нормами французского гражданского законодательства, не вызывает сомнений.

Наибольшее развитие институты владения и посессорной защиты фактического владения получили на территории Германии. В частности, Германское гражданское уложение выдержало испытание временем и с 1986 г. почти не изменялось, оставшись действующим источником права. Сейчас Германское гражданское уложение включает в себя 2 385 пунктов, 5 книг, третья из которых (§ § 854–1296) посвящена вопросам регулирования общественных отношений, связанных с вещными правами. Немецкой модели владения не известна категория держания, поэтому законодатель признает владельцем любое лицо, осуществляющее фактическое господство над вещью. Немецкое законодательство признает владельцами как владельца, так и арендатора. Значение последнего определе-

но как «непосредственное владение» (“unmittelbarer Besitz”), а владения собственника – как «опосредованное владение» (“mittelbarer Besitz”). Так, § 868 Германского гражданского уложения закрепляет, что лицо, которое владеет вещью как usufructуарий, залогодержатель, арендатор, наниматель, хранитель или на основании другого подобного правоотношения, согласно которому оно имеет право или обязательство временно владеть определенной вещью, относительно другого лица, также является владельцем (опосредованное владение). Опосредованным владельцем может стать и арендатор, например, в случае передачи вещи в субаренду. Владельческий иск вправе предъявить как опосредованный, так и непосредственный владелец. Лицо, владеющее вещью, которая ему принадлежит, является непосредственным владельцем вещью (§ 872 Германского гражданского уложения) [28, с. 247]. В теории гражданского права такая юридическая модель получила название «конструкция двойного владения». И. Покровский отмечал: «Германское гражданское уложение закрепило грандиозную теоретическую революцию, отбросив архаичное римское правило о невозможности существования концепта “plurium in solidum” (владение двух человек одной вещью – прим. автора), и признало обоих, и владельца, и того, кто владеет от своего имени, владельцами» [29, с. 156]. В частности, владение в немецкой доктрине гражданского права защищается от запрещенного самоуправства и предусматривает две формы защиты: судебную и самозащиту, условия последней зависят от объекта, на который совершено посягательство. Так, в случае совершения посягательства на движимую вещь нарушитель должен быть задержан на месте такого нарушения или по результатам преследования. В обоих случаях владелец может силой отобрать свою вещь у нарушителя. Если посягательство совершено на недвижимую вещь, лицо, которым были совершены противоправные действия, должно находиться на объекте недвижимости, а владелец имеет право совершить немедленные действия, направленные на освобождение соответствующего объекта недвижимости. Судебная защита, в свою очередь, предусматривает предъявление

посессорного иска, формируется по двум конструкциям, которые зависят от содержания выдвинутых требований: 1) требование, которое является следствием лишения владения – о возвращении утраченного владения (§ 861 Германского гражданского уложения); 2) требование, связанное с препятствием владению (§ 862 Германского гражданского уложения) – об устранении препятствий в дальнейшем владении (когда препятствия создаются на момент предъявления иска) и о воздержании от определенных действий (когда есть основания опасаться возникновения соответствующих нарушений в будущем). Необходимо отметить, что самозащита и посессорный иск направлены на восстановление владения или устранение препятствий для последнего, однако не на возмещение убытков.

Гражданский кодекс Молдовы модернизирован и изложен в новой редакции, вступившей в силу в марте 2019 г. [30]. На данный момент указанный кодифицированный акт признается одним из самых современных в Европе. Авторы не прибегали к разработке новых принципов, однако качественно унифицировали уже существующие и апробированные в Европе в течение последних десятилетий положения.

Книга вторая Гражданского кодекса Молдовы называется «Вещные (имущественные) права» и содержит следующие разделы: I. «Имущество»; II. «Владение»; III. «Собственность»; IV. «Другие вещные права»; V. «Реестр недвижимого имущества». В этом нормативно-правовом акте законодательства институту владения отведен отдельный раздел. Анализируя архитектуру Книги второй обновленного гражданского кодекса Молдовы, можно прийти к выводу, что законодатель отделяет владения от права собственности (р. III) и не относит его к другим вещным правам р. IV (права usufructa, пользования, проживания, сервитута, суперфиция, залога), не относит владение к вещным правам.

Р. II «Владение» состоит из двух глав: «Общие положения» и «Последствия владения». Последняя содержит четыре части: 1. «Презумпция собственности»; 2. «Защита владения»; 3. «Плоды вещи и стоимость пользования ею»; 4. «Приобретение права на

вещь». Следовательно, действующий Гражданский кодекс Молдовы признает непосредственное и опосредованное владение (ст. 304), владение на правах собственника и владение ограниченного права (ст. 3041), владение через уполномоченное лицо (ст. 3042), добросовестное владение (ст. 3044) и лучшее владение (ч. 2 ст. 310). Законодатель устанавливает возможность нескольким лицам владеть вещью совместно, признавая их совладельцами, и возможность нескольким лицам владеть частями одной вещи в качестве владельцев отдельных частей (п. 5 ст. 303). Основные гарантии владения раскрыты в ч. 2 р. II Гражданского кодекса Молдовы, которая предусматривает реализацию защиты путем предъявления иска о возврате владения (ст. 308) или прекращения нарушения (ст. 309), а также с помощью самозащиты (ст. 307). Более того, нормами дополнительно устанавливается возможность защиты лучшего владения (ст. ст. 310–311). Владельцем или третьим лицом может быть применена самозащита в отношении лица, которое незаконно лишает их владения или иным образом нарушает владение, а также создает неизбежную угрозу незаконного лишения владения или его нарушения (ч. 1 ст. 307). Средства самозащиты ограничиваются немедленными и пропорциональными мерами, необходимыми и достаточными для возврата вещи, прекращения или предотвращения лишения владения или его нарушения, а также для удаления правонарушителя с территории недвижимой вещи (ч. 2 ст. 307). Кроме других предусмотренных законом средств защиты, владелец, незаконно потерявший право владения, или владение которого незаконно нарушено, имеет право на возмещение причиненного ущерба в соответствии с правовыми положениями о деликтной ответственности (п. 2 ст. 306). Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в обновленном ГК Молдовы решен вопрос места владения в системе гражданского права, разработан и закреплён специальный механизм защиты владения. Профессор С. Беешу говорил о правовой природе владения как фактического состояния, которое порождает правовые последствия [31, с. 198]. В поддержку этой позиции ученым аргументирова-

но следующее. Во-первых, невозможно утверждать, что владение является простым фактическим состоянием, поскольку ч. 1 ст. 303 Гражданского кодекса Молдовы закрепляет приобретение владения вследствие желаемого осуществления фактического господства над вещью, без ссылки на то, что владение является фактическим состоянием. Во-вторых, поддержкой высказанной точки зрения служит архитектура кн. II ГК Молдовы. В-третьих, Гражданский кодекс Молдовы регулирует четыре правовых последствия владения: презумпцию собственности (ст. 305); приобретение плодов добросовестным владельцем (ст. 310–311); защиту владения с помощью вещных исков (ст. ст. 308–309); приобретение владения вследствие приобретательной давности (ст. ст. 332–336). В-четвертых, если утверждать, что владение является фактическим состоянием, которое порождает правовые последствия, не может происходить смешивание правовых последствий владения и его правомочий как элемента, входящего в состав содержания определенного вещного права [31, с. 202]. Эта позиция поддержана Р. Майдаником [15].

Выводы. В действующем Гражданском кодексе Украины отсутствует единая согласованная правовая модель владения. Указанный кодифицированный акт построен на базе пандектной системы, которая характерна для немецкой системы гражданского права, но не учитывает ее опыта усовершенствования института владения и его защиты. Гражданское законодательство большинства стран континентальной Европы закрепляет институт владения в качестве вида вещного права и предусматривает специальный посессорный (владельческий) способ защиты владения, реализуется с помощью предъявления исков (юрисдикционные способы защиты) и самозащиты (неюрисдикционные способы защиты).

Проведенный анализ новейших цивилистических исследований свидетельствует о тенденциях пересмотра и комплексной модернизации института владения, которые должны быть учтены отечественными правоведами и законодателями в процессе рекодификации действующего Гражданского кодекса Украины. С учетом проведенного сравнительного анализа и опира-

ясь на сходство правовых традиций, обусловленное историческими процессами и апробированным новым подходом к исследуемому вопросу, считаем целесообразным обеспечить в нашем государстве введение института владения по аналогии с Гражданским кодексом Молдовы и Германским гражданским уложением. Признание теории, согласно которой владение рассматривается в качестве фактического состояния, порождающего соответствующие правовые последствия, дало бы возможность решить проблему места владения в системе гражданского права Украины и лишило бы необходимости выбора между концептами «владение-факт» и «владение-право». В то же время, при условии признания указанной теории, не допускается смешивание владения как фактического состояния и права владения, а также его правовых последствий и правомочия в качестве элементов содержания определенного вещного права, в том числе и прав на чужое имущество.

Таким образом, затронутые в статье вопросы должны стать предметом дополнительных научно-правовых исследований института владения и механизма его защиты.

Список использованной литературы:

1. Про утворення робочої групи щодо рекодифікації (оновлення) цивільного законодавства України : постанова Кабінету Міністрів України від 17 липня 2019 р. № 650. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/650-2019-%D0%BF>.
2. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / под ред. Д. Дождева. Москва : БЕК, 2002. 400 с.
3. Римское частное право : учебник / кол. авт. ; под ред. И. Новицкого, И. Перетерского. Москва : КНОРУС, 2016. 608 с.
4. Митюков К. Курс римского права. 3-е изд. Киев : Тип. Т-ва И.Н. Кушнеров и Ко, 1912. 427 с.
5. Бабаев А. Система вещных прав : монография. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 391 с.
6. Бартошек М. Римское право : понятия, термины, определения. Пер. с чешск. Москва : Юрид. лит., 1989. 448 с.
7. Скловский К. Собственность в гражданском праве : учебно-практическое пособие. 2-е изд. Москва : Дело, 2000. 512 с.
8. Силицын С. Владение и владельческая защита в гражданском праве государств континентальной Европы. Москва : Статут, 2012. 224 с.
9. Савельев В. Владение solo animo в римском классическом праве. *Древнее право. Ivs antiquvm*. Москва : Спарк, 1999. № 2 (5). С. 7–17.
10. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. Кн. 2. Право владения. Кн. 3. Вещные права. Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс»», 2005. 1100 с. С. 309–512.
11. Германов А. От пользования к владению и вещному праву. Москва : Статут, 2009. 412 с.
12. Дождев Д. Владение в системе гражданского права. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении. Перев. со 2-го нем. изд., испр. и доп. Москва : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1883. 183 с.
13. Иеринг Р. Борьба за право. Москва : Феникс, 1991. 64 с.
14. Цюра В. Речові права на чуже майно : дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2007. 225 с.
15. Майданик Р. Речове право : підручник. Київ : Алерта, 2019. 1102 с.
16. Проблеми цивільного права та процесу. *Тези доповідей учасників Науково-практичної конференції, присвяченої світлій пам'яті Олександра Анатолійовича Пушкіна, м. Харків, 24 травня 2019 р.* Харків, 2019. 260 с.
17. Харченко Г. Речові права : монографія. Київ : Юрінком-Інтер, 2015. 432 с.
18. Севрюкова І. Деякі проблеми побудови системи обмежених речових прав у цивільному законодавстві України. *Вісник університету внутрішніх справ*. 1999. Вип. 6. С. 92–95. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKhnvns_1999_6_27.
19. Про державну реєстрацію речових прав на нерухоме майно та їх обтяжень : Закон України від 1 липня 2004 р. № 1952-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1952-15>.
20. Погрібний С. Порівняльно-правовий інститут володіння у континентальній, англосаксонській та східноєвропейській системах права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2001. 19 с.
21. Шахназарян К. Захист прав на чужі речі за законодавством України : дис. ... канд. юрид. наук. Одеса, 2017. 226 с.
22. Цивільний кодекс України : науково-практичний коментар / за ред. І. Спасибо-Фатеевої. Т. 5 : Право власності та інші речові права : пояснення, тлумачення, рекомендації з використанням позицій вищих судових інстанцій, мови юстиції, науковців, фахівців / О. Банасько та ін. Харків : Страйд ; ФОП Лисяк Л.С., 2011. 582 с.
23. Домашенко М., Рубаник В. Власність і право власності : Нариси з історії, філософії, теорії і практики регулювання відносин власності в Україні. Харків : Факт, 2002. 550 с.
24. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 р. № 435-IV. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № № 40–44. Ст. 356. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.
25. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении 27 апреля 2012 г.). URL: <http://sroportal.ru/laws/proekt-federalnogo-zakona-47538-6-o-vnesenii-izmenenij-v-chasti-pervuyu-vtoruyu-i-chetvertuyu-grazhdanskogo-kodeksa-rossijskoj-federacii-otdelnye-akty-rossijskoj-federacii/>.
26. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). Code civil des Français (Code Napoléon). Пер. с фр. В. Захватаева. Москва : Инфотропик-Медиа, 2012. 624 с.
27. Décret № 2017-892 du 6 mai 2017 portant diverses mesures de modernisation et de simplification de la procédure civile. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=DD2BC4414FD6DC749CD CDB0C9864BDFD.tplgfr24s_1?cidTexte=JORFTEXT000034635897&dateTexte=29990101.
28. Гражданское уложение Германии. Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz : введ. Закон к Гражд. Уложению ; пер. с нем. В. Бергман, введ., сост. ; науч.

ред. А. Маковский и др. 2-е изд., доп. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 896 с.

29. Покровский И. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стереот. Москва : Статут, 2013. 353 с.

30. О модернизации Гражданского кодекса и внесении изменений в некоторые законодательные акты : Закон Республики Молдова от 15 ноября 2018 г. № 133. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=112397.

31. Бешу С. Правова природа володіння. *Право України*. 2019. № 2. С. 196–206.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филонова Юлия Михайловна – аспирант кафедры гражданского права № 2 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filonova Iuliia Mykhaylivna – Postgraduate Student at the Department of Civil Law № 2 of Yaroslav Mudryi National Law University;

filonovaj1992@gmail.com

UDC 347.9

PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY IN CIVIL PROCEDURE

Tetiana TSUVINA,

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor at Civil Procedure Department
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article addresses various manifestations of the principle of legal certainty in civil procedure, which is recognized as a fundamental aspect of the rule of law. This principle is analyzed through the prism of the right to a fair trial (Article 6 § 1 of the European Convention on Human Rights), the latter being considered as an international standard of justice at the European level. Basing on the provisions of the European Convention on Human Rights, the author mentions the following elements of the principle of legal certainty: foresee ability in application of the norms of civil procedural law; non-retroactivity of civil procedure legislation; the principle of *res judicata*; mandatory execution of court decisions; consistency of judicial practice.

Key words: legal certainty, right to fair trial, rule of law, *res judicata*, consistency of judicial practice.

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Татьяна ЦУВИНА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные проявления принципа правовой определенности, который признается одним из основополагающих аспектов верховенства права, в гражданском процессе. Указанный принцип анализируется сквозь призму права на справедливое судебное разбирательство (пункт 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека), который является международным стандартом правосудия в европейских государствах. Основываясь на положениях Европейской конвенции по правам человека, автор выделяет следующие элементы принципа правовой определенности: предсказуемость в применении норм гражданского процессуального права; отсутствие обратной силы гражданского процессуального законодательства; принцип *res judicata*; обязательное исполнение судебных решений; единство судебной практики.

Ключевые слова: правовая определенность, право на справедливое судебное разбирательство, верховенство права, *res judicata*, единство судебной практики.

Introduction. Nowadays in Europe the principle of legal certainty is recognized as one of the basic and indispensable elements of the rule of law. In the literature it is often described as a fundamental [1] and general [2; 3] principle. Despite the growing interest in this issue (as evidenced by the numerous original works by scientists from all over the globe), it is worth emphasizing that the vast majority of the studies are of general theoretical value. Thus many authors focus on such aspects of legal certainty as quality of the law and the procedural requirements for the law-making process

[1; 3; 4; 5]. Meanwhile very few works deal with legal certainty in terms of particular area of law such as criminal law [6], civil law [7], labor law [7], tax law [8] etc. However, we believe that such studies are of vital importance because they demonstrate the implementation of general law principles in particular spheres of legal practice. From this perspective the study of specific manifestations of legal certainty in civil procedure deserves special attention, since it is the court that is vested with a function to ensure effective protection of everyone's rights and freedoms even